

ВОИНСТВУЮЩИЙ
МАТЕРИАЛИСТ

157
2
IV
1907

15
91-4a

I. Leontowitsch

ОБЩЕСТВО ВОИНСТВУЮЩИХ МАТЕРИАЛИСТОВ

ВОИНСТВУЮЩИЙ МАТЕРИАЛИСТ

СБОРНИКИ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Книгоиздательство „МАТЕРИАЛИСТ“
МОСКВА — 1925

Узна. № 1000000

дим в область критики отдельных недочетов и ошибок книжки, которых много и разбор коих не входят в нашу задачу.

Заканчиваем. Ангарский напрасно взялся фуксом протащить весьма ненаучные и неверные утверждения под покровом скромности. И для книги, и для читателя, и для автора было бы много лучше, если бы скромность была бы соблюдена последовательно.

Ибо если скромность добродетель, то только последовательная и честная скромность.

Б. Горев.

К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности.

Как известно, в течение целых десятилетий и европейские и русские марксисты, притом не только ревизионисты, но и „ортодоксы“, с легкой руки Энгельса, насмешливо относились к бланкизму, как к определенной революционной тактике, и всячески открещивались от родства с ним. Знаменитая характеристика Бланки, данная Энгельсом в 1874 г. в статье по поводу прокламации эмигрировавших в Лондон бланкистов-коммунаров, равно как его резко-полемическая статья против Ткачева, напечатанная в 1875 г., сыграли решающую роль в отношении марксистов, особенно русских, к Бланки и Ткачеву. Это ярко сказалось уже в первых марксистских работах Плеханова, с их уничтожающей критикой Ткачева и его последователя Тихомирова. А впоследствии и Ленин неоднократно, в ответ на обвинения со стороны меньшевиков в „бланкизме“, доказывал, что революционный марксизм не имеет ничего общего с бланкизмом, как с узко-заговорщицкой тактикой, опирающейся не на массы, а на небольшое интеллигентное меньшинство и притом не учитывающей ни соотношения сил в данный момент, ни степени революционности масс, ни степени устойчивости правительственной власти и господствующих классов вообще.

Пишущий настоящие строки, в своей биографии Бланки, вышедшей в 1921 г., на основании изучения сочинений Бланки (неизвестных Энгельсу в 1874 г., так как они вышли лишь после смерти Бланки, в 1885 г.), а также его деятельности в 1848 г., один из первых пришел к заключению, что обычное представле-

ние о Бланки, как об узком заговорщике, о „маниаке“ восстаний и заговоров, осуществимых будто бы в любое время и при любых условиях,—что это представление глубоко неверно и несправедливо, во всяком случае, в высшей степени односторонне. И в указанной биографии Бланки и позднее, в полемике, которая велась в 1923 г. в журнале „Печать и Революция“ (№№ 5 и 7) между пишущим эти строки и Синеира, приводились достаточно убедительные данные в подтверждение той мысли, что Бланки, резко отличаясь от Маркса наивностью и идеализмом своих общих социально-исторических взглядов, все же умел быть глубоко-реалистичным в вопросах революции, умел иногда прекрасно учитывать соотношение общественных сил и, в частности, отнюдь не всегда был сторонником заговорщицкой тактики.

Одновременно с этой исторической „реабилитацией“ Бланки, начался в нашей литературе и пересмотр традиционного взгляда на его знаменитого русского последователя—П. Н. Ткачева. Б. П. Козьмин, С. И. Мицкевич, наконец, М. Н. Покровский, все они в той или иной степени рассматривали Ткачева, как одного из творцов теории революционной диктатуры и учения о роли партии в осуществлении этой диктатуры, следовательно, как одного из основоположников некоторых важнейших элементов ленинизма.

Ввиду того, что эта частичная реабилитация бланкизма, в его европейской и русской форме, и попытка по-новому оценить его историческое значение, вызывает до сих пор возражения в печати, нам хотелось бы в настоящем очерке использовать как новые материалы о Бланки и Ткачеве, так и результаты более внимательного исторического изучения их взглядов в последнюю эпоху их литературной деятельности.

Недавно в Ленинградском издательстве „Прибой“ вышли в русском переводе две чрезвычайно интересные брошюры, посвященные Бабефу и Бланки. Автор их, повидимому, молодой французский коммунист, Морис Доманже, располагавший новыми, до сих пор не опубликованными материалами (это относится, главным образом, к Бланки), определенно считает Бабефа и Бланки предшественниками революционного марксизма, во многом предвосхитившими его учение, а следовательно, и предшественниками ленинизма. Но для нас в данном случае интересны не столько выводы автора, сколько приводимые им новые факты, целиком подтверждающие нашу точку зрения на роль Бланки в 1848 г. (напоминающую роль Ленина после февральской рево-

люции 1917 г.) и вполне оправдывающие тот лестный и почетный эпитет—„истинного вождя партии пролетариата“, который дан был Бланки этой эпохи—Марксом. Мы знали до сих пор, что в 1848 г. Бланки отнюдь не был заговорщиком, что он ближайшей задачей своей деятельности ставил, с одной стороны, дискредитировать временное правительство, рассеять связанные с ним, особенно с Луи Бланом, у рабочих иллюзии, а с другой—распропагандировать и организовать вокруг своего клуба пролетарские районы Парижа („Нам нужна,—говорил он в самом начале революции,—поддержка народных масс, предместья, охваченные восстанием, новое 10 августа. Тогда у нас будет, по крайней мере, все значение революционной силы“). Мы знали, про подлинно революционную, пролетарскую и в то же время реалистическую тактику Бланки в течение тех трех первых месяцев революции, когда он был на свободе. Но мы от Доманже узнаем впервые, что и после июньских дней, уже из Венсенской тюрьмы Бланки руководил через преданных ему, оставшихся на свободе революционных рабочих-социалистов, избирательной тактикой пролетариата. 15 сентября, во время выборов в законодательное собрание Бланки написал прокламацию против воцарившейся реакции и звал мелкую буржуазию присоединиться к рабочим. Во время президентской избирательной кампании, когда против Бонапарта выставлена была от демократической „Горы“ кандидатура Ледрю-Роллена, Бланки, по просьбе группы рабочих, послал из тюрьмы речь на избирательный банкет 3 декабря, и в этой речи дал оценку тогдашним демократам и их роли в июньские дни, поразительно напоминающую то, что одновременно и позже писал Маркс. Бланки, как и Маркс, сравнивал „Гору“ 1848 г. с Горой 1793 г. и называл Ледрю-Роллена „Монтаньярской обезьяной“ февральской революции. Он разоблачал маневр демократов, которые, для ловли рабочих голосов, самозванно присвоили себе имя социалистов. „К поношенному камзолу Робеспьера пришили клочки, выкроенные случайно из Прудона, Леру, Кабэ и Фурье“. Он звал рабочих поврвать с болтунами из Горы и сгруппироваться вокруг красного знамени июньских борцов. Затем в его воззвании идут строки, местами как бы выхваченные из большевистской печати после июльских дней 1917 г. „Горе побежденным. Июньские повстанцы выпили чашу до дна. Каждый старается приписать им какое-нибудь преступление... Реакция делает из них беглых каторжников, Гора—стипендиатов монархии. Зачем это последнее поругание! С какой целью распространялась басня о

русском золоте и эти смехотворные попытки [найти монархических агитаторов? ¹⁾]. Будто идея монархии могла бы теперь сдвинуть с места хотя один бульжник! В результате, отчасти, этого тюремного воззвания Бланки, наиболее сознательные элементы рабочих противопоставили мелко-буржуазной кандидатуре Ледрю-Роллена—социалистическую кандидатуру Распайля, одного из венсенских узников.

Таков был Бланки во время революции 1848 г., т. е. в критическую эпоху, которая является наилучшим экзаменом для революционера и социалиста. Минуем теперь эпоху 1870—1871 г. г., так как мы ее достаточно подробно анализировали в своей книге, посвященной Бланки. Напомним лишь, что и тут он отнюдь не был фанатиком-заговорщиком, и что, после первых двух недель проповеди классового единения против общего врага—пруссаков, Бланки—со всей своей революционной патристической страстью обрушился на предательское правительство „национальной обороны“, при чем обнаружил большое понимание обстоятельств, большой реализм и классовое чутье. Как справедливо указывает Доманже, „к великому удивлению реакционеров и изумлению буржуа“, Бланки в эту эпоху оказался „совсем не „маньяком революции“, каким рисовала его легенда и как писали о нем газеты, а великим государственным деятелем, „мастером политики“.

Переходим к последнему периоду его жизни и деятельности, при 3-й республике, в 1879—1880 г. г. Мы внимательно просмотрели все номера издававшейся Бланки в конце 1880 г. ежедневной газеты „Ni Dieu, ni maître“ (комплект этой газеты имеется в Институте Маркса и Энгельса), о которой, насколько нам известно, до сих пор ничего в нашей литературе не было (Доманже упоминает о ней всего в нескольких словах). Так как в ней сотрудничал весь штаб бланкистов, под редакцией и руководством самого „Старика“, имевшего за собой целых полвека революционного и тюремного „стажа“, то она представляет, несомненно, большой интерес для характеристики бланкизма, как определенной системы социально-политических взглядов, со всеми ее сильными и слабыми сторонами. Поэтому на ней стоит остановиться подробнее.

Уже самое название газеты являлось вызовом всему буржуазному обществу и подчеркивало как воинствующий материализм и атеизм Бланки, так и его непримиримый коммунизм. Далее,

¹⁾ Курсив наш, В. Г.

любопытно, что в каждом номере, наряду с обычной датой „христианского“ летоисчисления, находилась в скобках соответственная дата революционного календаря, установленного после 1792 г., с которого газета и вела свое летоисчисление, как бы непосредственно продолжая великую якобинскую традицию. Передовые статьи писал сам Бланки. Они редко носили актуально политический характер (такой характер имели статьи, посвященные лозунгу замены постоянной армии—милицией, лозунгу, которым Бланки тогда очень увлекался, с которым выступал и на собраниях и который выдвигал в избирательной кампании). В большинстве же случаев передовицы Бланки посвящались борьбе с религией и пропаганде атеизма (некоторые из них, очень остроумные, с успехом могли бы и теперь появиться в „Безбожнике“) или же вопросам политической экономии и борьбе с буржуазными экономистами (серия статей о „роскоши“ и „капитал и труд“). В области политической экономии Бланки до конца своей жизни не пошел дальше рикардиевских социалистов или Прудона. Но в смысле агитационном эти статьи, написанные, хотя наивно, но местами остроумно и язвительно, несомненно, имели свое значение. В области политики, кроме борьбы с милитаризмом, Бланки занимался разоблачением режима 3-й республики, которую он называл „республикой монархической и религиозной“, и провозглашенной Гамбеттой эры либерального оппортунизма. По своему отношению к республике Бланки всю жизнь оставался верен себе и до конца стоял на абстрактно-идеалистической, лишенной реального классового содержания точке зрения республиканцев-социалистов 40-х г. г. и даже бабувистов. Для него республика означала полную демократию и равенство, она должна была быть „социальной“ и лишь тогда заслуживала своего названия. Еще в одной прокламации 1848 г. Бланки писал: „Республика—это обман народа, если все сводится к замене одной формы политической власти другой. Недостаточно переменить имя: надо изменить порядок. Республика—это освобождение рабочих; это—конец эксплуататорского режима; это—начало нового порядка, который освободит труд от тирании капитала“. Точно так же и теперь, 32 года спустя, в своей речи (в Лилле) об уничтожении постоянных армий Бланки говорил о необходимости установить „республику серьезную, демократическую и социальную“, о необходимости „уничтожения привилегий, о царстве равенства“. Но если 75-летний Бланки оставался в значительной мере в области отвлеченных рассуждений (а иногда не был свободен и от старческой болтливости), то со-

трудники его разрабатывали ряд конкретных вопросов в духе революционного социализма. В газете из номера в номер велся отдел „Социальные несправедливости“, где разоблачались разнообразные виды и случаи эксплуатации рабочих, куда стекались корреспонденции с фабрик и заводов. Газета, далее, внимательно следила за деятельностью палаты депутатов и муниципальных управлений, за рабочими съездами и собраниями, за судебными процессами и т. п. и из всего делала соответствующие агитационные и обобщающие выводы. Систематически помещались в газете корреспонденции из Англии и Германии и сообщения о революционной деятельности в России (иногда с разъяснительными замечаниями Морозова). Печаталась серия исторических статей о Коммуне и ее героях и разоблачительных статей—о версальцах. Велась энергичная борьба против аполитического синдикализма. Наконец, в фельетоне печатался перевод романа Чернышевского „Что делать“.

Такова общая физиономия этой первой бланкистской газеты, выходившей в эпоху укрепившейся буржуазной республики, и в то же время, как говорит Доманже, „первой большой ежедневной газеты III республики, определенно революционной и признающей борьбу классов“. Наиболее ярким и опытным политиком и тактиком газеты, как и всей бланкистской организации, был в это время любимый и верный ученик „Старика“—Эдуард Вайян. Поэтому мы и займемся в заключение самыми важными из его статей. Кроме отдельных статей и заметок, перу Вайяна принадлежат две серии: о всеобщем избирательном праве и о рабочем дне. В программной статье первого номера, выступая против всего реакционного лагеря, Вайян писал: „Революция хотя и не скоро, а придет, многому научившись, но ничего не позабыв“. Наиболее характерными для бланкизма, как политического мировоззрения, являются его статьи о всеобщем избирательном праве, статьи, сохранившие весь свой актуальный интерес до настоящего времени. „Всеобщее избирательное право,—писал Вайян,—это ось теперешнего общественного порядка, порядка буржуазного“. Буржуазия „не нашла лучшего оплота против вторжения революции, чем пустить в ход невежественную, порабощенную массу против свободного и просвещенного меньшинства“. Что дало Франции всеобщее избирательное право? спрашивает Вайян и отвечает: империю, войну, разгром, парижскую бойню, республику без республиканцев. „Пока будут собственники и хозяева, будут господа, слуги и угнетенные. Пока в обществе будут невежество и нищета, пока будут привилегии и классы, буржуазия останется

хозяином на выборах, она будет править при помощи голосования, как при помощи религии и ружья“. „Революция, а не избирательное право, освобождая пролетария и человека, создаст равенство. Это очевидно для всех республиканцев—революционных коммунистов“ (№ 7). Преступно усыплять народ иллюзией,—продолжает Вайян далее (№ 9),—будто голосование заменило ружье. Наоборот, надо указывать, что это ловушка. „Когда лучшая часть народа поймет, что освобождение пролетариата возможно не голосованием, а лишь объединением его сил для сопротивления и действия¹⁾, в этот день мы будем накануне победы“. Всеобщее избирательное право, по мнению Вайяна, поддерживает существующий буржуазный порядок. Лишь после революции оно будет, действительно, выражать волю народа. Тем не менее, заканчивает он, „мы не можем оставаться равнодушными ни при каком проявлении национальной жизни“. Мы должны участвовать везде, где выступает народ. „Против того употребления, которое делает из всеобщего избирательного права реакция, мы должны его использовать в наших целях“, главным образом, использовать свободу агитации во время избирательной кампании. Но при этом наша тактика должна быть гибкой и не заслонять нашей главной цели—революции. Поэтому в одних случаях полезен бойкот выборов, с соответственной революционной декларацией, с демонстрацией против властей и господствующих классов²⁾; в других случаях—демонстративные выборы и, наконец, в третьих—избрание члена партии с определенным наказом для его депутатской деятельности. При этом во всех случаях решающей инстанцией, определяющей нашу избирательную тактику, являются интересы партии.

Как видит читатель, эта бланкистская тактика ничего „бланкистского“, в специфическом смысле этого слова, в себе не заключает, являясь одновременно и революционной, и все же достаточно „массовой“, реалистической и гибкой³⁾.

Итак, мы разобрали деятельность Бланки и его ближайших сторонников на протяжении 32 лет и в такие эпохи, как революция 1848 г., канун Коммуны и буржуазная республика. Мы

¹⁾ Курсив наш. Здесь типичное для бланкизма непонимание диалектики общественного процесса, непонимание того, что и „голосование“ может быть средством „объединения сил“ пролетариата.

²⁾ Это то, что в 1905—1906 г.г. называлась на нашем партийном языке „активным“ бойкотом.

³⁾ О Вайяне, как революционном коммунисте, близком к марксизму, см. интересную статью Д. Б. Рязанова в „Очерках по истории марксизма“.

видели, что ни в один из этих моментов Бланки не проявлял приписываемых ему свойств узкого заговорщика, игнорирующего массы. Откуда же в таком случае взялась столь упорная, столь живучая „бланкистская“ легенда? Она ведет свое начало из деятельности Бланки во 2-й половине 30-х г.г. т.-е. в первое десятилетие царствования Луи Филиппа, и в конце 60-х г.г., накануне падения 2-й Империи. Наиболее яркими проявлениями специально „бланкистской“ тактики и были неудачные восстания „12 мая 1839 г. и 14 августа 1870 г. Обе эти попытки, как известно, были произведены одним и тем же способом: внезапным нападением кучки заговорщиков на правительственные учреждения (полицейский участок, пожарная команда) среди мирно гулявшей воскресной публики. В результате—в обоих случаях, вместо ожидавшегося народного восстания, паника публики и полный провал. Это, конечно, было наивно и было огромным шагом назад даже по сравнению с заговором „равных“, которые имели множество ячеек и в мастерских и в армии, которые вели предварительную массовую агитацию, в том числе среди солдат и т. д. ¹⁾ Но не следует забывать, что в 30-х г.г. еще не было у революционеров достаточного опыта, а в 1870 г. Бланки сам не верил в успех и подчинился лишь настоячивому требованию своих нетерпеливых сторонников. Кроме того, даже тут нельзя сказать, чтоб совсем не были учтены те условия, при которых Ленин считал возможным назначение восстания. В самом деле, империя Наполеона III явно для всех разлагалась, а революционное настроение масс непрерывно росло, что показала демонстрация на похоронах Виктора Нуара, а затем 3 недели спустя после неудачной попытки Бланки,—4 сентября. И если война на первых порах, как и ожидал Наполеон, заглушила революционные настроения, то ряд тяжелых поражений, обнаруживших всю гнилость режима, выявил эти настроения с еще большей силой. А распорядительность, которую умел проявлять Бланки во время своих заговорщицких попыток или в такие моменты, как 31 октября 1870 г., его знание военного дела и техники восстаний дают право Доманже называть его „своего

¹⁾ Кстати в своем новом „выступлении“ о марксизме и бланкизме Синеира („Печ. и Рев.“ № 9) открыл „марксизм“ и „научный социализм“ в прокламации „Молодая Россия“, возлагавшей все надежды будущей социалистической революции на „молодежь“, „армию“ и даже „старообрядцев“. Если б Синеира удосужился познакомиться с учением и деятельностью бабуистов, то он с полным правом нашел бы у них гораздо больше такого „марксизма“.

рода генералом гражданской войны“. Даже Энгельс в упомянутой выше статье признавал за Бланки глубокий „революционный инстинкт, смелость и решительность“.

В бланкистской газете „Ni dieu, ni maitre“ сотрудничали также два редактора русского „Набата“—сам Ткачев и Турский. В предисловии к переводу романа „Что делать“ Ткачев отметил громадные научные заслуги Чернышевского и назвал его „истинным отцом и основателем социально-революционной партии в России“. Это значит, что он выводил и свою собственную идейно-революционную родословную от Чернышевского (и выводил совершенно правильно, так как симпатии Чернышевского к бланкизму несомненны). Он же начал в газете Бланки серию статей о революционном движении в России, где с энтузиазмом прославлял Народную Волю. Турский поместил в газете статью по поводу слухов о возможности конституции в России. В этой статье он высказывал любопытный взгляд, что наша буржуазия ни в какой конституции не нуждается, что она пользуется теми же правами, что и буржуазия в других странах, и является даже фактическим хозяином положения, почему и считает преследования революционеров вполне нормальными.

Наконец, на похоронах Бланки, которые, как известно, превратились в грандиозную народную манифестацию и на которых полиция хозяйничала по всегдашнему обыкновению парижской полиции, Ткачев и Турский должны были произнести речи, но не были допущены полицией к могиле. Эти не произнесенные речи были напечатаны в посмертном номере „Ni dieu, ni maitre“, и из них мы узнаем, как сами редакторы „Набата“ оценивали историческую роль Бланки. Бланки принадлежит всем народам, писал Турский. Имя его запрещено в России, но его знают и лихорадочно следили за его борьбой. Он был нам примером, и наша революция постарается избежать тех опасностей, которые губили прежние французские революции. „Бланки войдет в историю русской революции постольку же, поскольку он войдет в историю пролетарской революции во Франции“. Те же приблизительно мысли высказывал и Ткачев. „Ему, его идеям, его самоотвержению, ясности его ума, его проницательности обязаны мы значительной частью тех успехов, которые ежедневно одерживает революционная партия в России... Он наш учитель и образец в великом искусстве заговорщицкой деятельности... Великая жертва всех реакционных правительств, он является воплощением революционной идеи“.

Нам кажется, что в этом панегирике, в этом превознесении роли Бланки в истории русского революционного движения, кроме обычных в таких случаях риторических преувеличений, Ткачев отчасти сознательно, отчасти бессознательно переносил на Бланки то, чем революционная мысль России была обязана ему самому. Ибо хотя теперь мы знаем, что Бланки был не только практиком, но и теоретиком революции, но, во-первых, важнейшие его работы в этой области появились в свет лишь после смерти Ткачева, а, во-вторых, и у Бланки, как и у Маркса, теория революционной диктатуры лишь слегка очерчена, между тем именно Ткачев разработал ее так подробно, с такой ясностью и силой ума, с такой неумолимой логической последовательностью, что ему по праву принадлежит роль первого действительного творца теории захвата власти революционной партией и диктаторского управления революционным государством.

Читая ткачевский „Набат“, прямо трудно поверить, что это писалось почти полвека тому назад, до такой степени актуальны трактуемые в нем вопросы, до такой степени волнующе ярка и логическая аргументация его редактора и его революционная страсть. Конечно, Ткачев типичный бланкист, верящий исключительно в творческую инициативу революционного и сознательного меньшинства, признающий „государственный заговор если и не единственным, то во всяком случае главным и наиболее целесообразным средством к насильственному перевороту“. Конечно, он не видит никакой классовой опоры в современном ему русском самодержавии. „Сегодня наше государство фикция, предание, не имеющее в народной жизни никаких корней... Но завтра (т.-е. после превращения России в буржуазное государство. Б. Г.) за него встанут все его сегодняшние враги—завтра оно будет выражать собою их интересы, интересы кулачества и мещинства, интересы личной собственности, интересы торговли и промышленности, интересы нарождающегося буржуазного мира. Сегодня оно абсолютно-нелепо и нелепо-абсолютно. Завтра оно станет конституционно умеренным, расчетливо благоразумным“. Поэтому революцию нужно делать немедленно, иначе потом будет поздно („Программа журнала“, Листок от 1 ноября 1875 г.).

Здесь бланкизм Ткачева сливается с общей для всех народников 70-х г.г. психологией и как бы доводит эту психологию до абсурда. Но в то же время Ткачев, в отличие от Бланки, вкусил немного от марксистского древа познания добра и зла (в этом он скорее сближается с Вайяном) и, кроме того, воспитался на Чернышевском. Поэтому мы встречаем в „Набате“, на-ряду с

самым утрированным бланкизмом, целый ряд мест, которые сделали бы честь любому революционному марксисту. Полемика Ткачева против Бакунинской „Государственности и анархии“, против половинчатых и противоречивых резолюций анархистского Интернационала об организации „общественных служб“ в будущем обществе, а также против непоследовательности Лаврова в его книге „Государственный элемент в будущем обществе“—представляет собою положительно едва ли не лучшее, наиболее сильное и яркое из того, что имеется в революционно-социалистической литературе против анархизма.

С другой стороны, и заговорщицкий бланкизм Ткачева является далеко не столь наивным и упрощенным, как это представляется в полемике Энгельса и Плеханова против него. При всем его утопизме, в нем много здравого смысла и реалистических черт. Для Ткачева „народ“ отнюдь не „готов“ в любой момент совершить революцию и отнюдь не является готовым носителем коммунистических идеалов. „Для того, чтобы превратить народ из возможной революционной силы в действительную, из возможного революционера в реального, мы (т.-е. революционное меньшинство), мы должны первоначально распатать, ослабить, уничтожить гнетущий его политический строй, консервативное, эксплуататорское, самодержавное государство. Да, только уничтожив консервативное государство, мы уничтожим народный консерватизм, мы выведем народ из его рабской пассивности“. Ибо все чистонародные движения, „от великого восстания рабов в Риме и кончая Парижскую Коммуною... все без исключения имели место лишь тогда, когда в высших, правящих слоях общества царил хаос, беспорядок, безначалие или многоначалие, когда „рука власти предержавшей“ начинала дрожать и колебаться“ (№ 2—3, февр. 1876 г., передовая. Курсив везде принадлежит автору). Или в другом месте: „Анархисты хотят революции через народ, якобинцы—через государство... Предоставить народ „самому себе“ значит отдать его во власть тем рабским и консервативным инстинктам, тем хищническим, эгоистическим наклонностям, тому дикому невежеству, которые вырабатывались и поддерживались в нем под гнетом исторических условий его домашней и общественной жизни“ (№ 1, декабрь 1875 г.). Действительно, хотя народные идеалы, по мнению Ткачева, и имеют склонность к коммунизму, хотя они и враждебны существующему строю, но они косны и консервативны и не выходят за пределы своей патриархально-общинной среды. Поэтому ни в деле разрушения, ни в деле со-

зидания народ без революционного меньшинства далеко не пойдет (№ 4, 1876, передовая). Поэтому также крайне наивно мечтать о поддержании общины до захвата власти революционерами, противопоставляя пропаганду нескольких десятков юношей—могучему разрушающему влиянию капитализма (№ 5, передовая—„Революционеры-реакционеры“).

Ткачев хорошо понимает, что „социальный переворот... не совершается ни в один, ни в два дня, даже ни в одно ни в два десятилетия, он потребует работы целых поколений“. „И никогда мы, революционеры-социалисты, не обманывали себя на этот счет, никогда мы не воображали, будто достаточно нам захватить власть в свои руки—как на другой же день мы осящали все общество, установим общность имуществ, организуем общий труд на общую пользу“. Понимает он также, что „общая опасность будет существовать еще очень долго после того как социалисты-революционеры захватят власть в свои руки“ (1876 г., № 6, передовая—„Возможна ли социальная революция в России в настоящее время?“).

Наконец, самый этот захват власти Ткачев мыслил себе отнюдь не в форме простого заговора или нападения на царский дворец. „Нападение на центр власти и захват ее в революционные руки, не сопровождающийся народным бунтом (хотя бы и местным)—лишь при крайне благоприятных обстоятельствах может привести к каким-нибудь положительным, прочным результатам“ („Программа журнала“). Проповедуя объединение или координирование всех революционных течений, передовая статья № 7—8 за 1876 г. („Организация социально-революционной партии“) высказывает следующую мысль: „Разве государственный заговор, как главное практическое средство якобинцев, разве местные бунты и пропаганда среди народа,—как главные практические средства народников-экспериментаторов и подготовителей (термины „Вперед“, обозначавшие бакунистов и лавристов. *Б. Г.*), разве эти три средства взаимно исключают одно другое, разве между ними существует какой-нибудь антагонизм?“ Мало того: схема будущей революции представлялась Ткачеву в следующем виде: революционная организация рядом ударов и нападений расшатывает центральную власть, что вызывает ряд народных восстаний и бунтов. И лишь в этой революционной обстановке удастся партии захватить власть. При этом средством, способным расшатать правительство, „Набат“ считал не только террор (пропаганда систематического террора началась в „Набате“ позже), но и демонстрации. Восторженно приветствуя

демонстрацию на Казанской площади в Петербурге в декабре 1876 г., как первое открытое выступление под красным знаменем, „Набат“ (№ 11—12) писал, что такие демонстрации и протесты переводят потенциальную революционную энергию общества в активную (подлинные выражения „Набата“).

Это уже звучит совсем по марксистски. Вообще, если отсутствие диалектического метода было главным препятствием, мешавшим Ткачеву (как позднее, еще в 90-х г.г., Лаврову) отказаться от своего заговорщицкого утопизма, то иногда ему удавалось рассуждать вполне диалектически. Полемизуя с Бакуниным, отрицавшим роль мысли в истории, Ткачев писал: „Человек изобретает известного рода пищу, а пища, в свою очередь, видоизменяет человека; данный общественный строй привел к изобретению машин, к введению машинного производства, а машинное производство видоизменило общественный строй и т. д. и т. д.“. Так и „мысль постоянно изменяла общество, хотя сама она была лишь продуктом этого общества“ (№ 1, стр. 35).

Совершенно в духе Маркса и Ленина относился „Набат“ к „славянскому вопросу“ на Балканах и к войне 1876—1877 г.г. В отличие от многих народников-бунтарей, увлекшихся, правда, на короткое время, защитой „угнетенных“ „братушек“, „Набат“ с самого начала заговорил великолепным, мужественным, подлинно-революционным языком против официального национализма и славянофильства тех, кто разбойничал у себя дома и в то же время толковал „о христианской религии, будто бы поруганной мусульманским фанатизмом“ (1876, № 9, „Славянский вопрос“). А когда война разразилась, „Набат“ в статье „Война и революция“ (1877, № 3-4, 5-6) писал: „Под сенью этого национального „патриотического“ знамени мы идем не расковырять, а перековырять чужие окопы“, имея при этом в виду будущее порабощение царизмом балканских славян.

Огромную, исключительную заслугу Ткачева составляет его неустанная, настойчивая проповедь создания сильной, сплоченной, централизованной партии. Его статьи по организационным вопросам нередко напоминают ленинское „Что делать“. Вот некоторые места. „Успех революционного дела в значительной степени зависит от правильного распределения разнообразных революционных функций между членами революционной партии. Каждый революционер должен браться за такую работу, которая ему по силам“. „Успех революции возможен только при создании организации, сплачивающей разрозненные революционные

элементы в одно живое тело, действующее по одному общему плану, подчиняющееся одному общему руководству,—организации, основанной на централизации власти и децентрализации функций“.

Чрезвычайно современными являются также рассуждения Ткачева (в полемике с Лавровым, 1877, № 1—2) о различном отношении к террору революционному, к террору „Маратов, Фукье-Тенвилей и Раулей Риго“ и к террору „прокуроров и палачей божьих помазанников, конституционных монархов и буржуазных республик“: при всем сходстве „внешней формы их деятельности“, „одни направляли ее ко вреду, другие на пользу общества“.

Ткачев, как известно, в течение 70-х г.г. был почти одинок в своей деятельности (хотя в „Набате“ довольно много корреспонденций из России). Огромное большинство тогдашних революционеров относилось к нему или пренебрежительно, как к смешному чудаку, или прямо враждебно, что, быть может, отчасти вызывалось стилем „Набата“, не считавшимся ни с какими условностями, бичевавшим беспощадно (как Ленин в „Друзьях народа“) самых „почтенных“ представителей тогдашнего революционного мира. Тем не менее, влияние „Набата“, начиная со второй половины 70-х г.г., было, без всякого преувеличения, огромным, и Ткачев это мог сам констатировать с полным правом. Взгляды Ткачева прежде всего в самое короткое время решительно изменили революционное мирозерцание Лаврова, который начал в 1873 г. как чистый анархист (с „этическим уклоном“, который в 1876 г., в „Государственном элементе в будущем обществе“, уже частично признал диктатуру, в 1879 г. в „Парижской Коммуне“ целиком стал на точку зрения диктатуры сплоченной революционной партии, а в 80-х г.г. признал и то, что в борьбе действует лишь принцип целесообразности).

Далее, несомненно, в значительной мере под влиянием Ткачева, как указывали уже в свое время Плеханов и Ленин, сложились методы борьбы и взгляды „Народной Воли“, где, особенно после 1 марта, почти целиком восторжествовали ткачевские взгляды на захват власти революционным меньшинством. Приводимое Л. Г. Дейчем в № 3 сборника „Группа Освобождение Труда“ чрезвычайно интересное письмо Исполнит. Комитета „Народной Воли (от февраля 1882 г.) к заграничным товарищам не оставляет в этом никаких сомнений. Вот особенно характерное место: „Революция совершится только тогда, когда власть эта

будет в хороших руках, а потому мы и стремимся захватить ее, так как народ, пока он раб тысячи условий, ее все равно не удержит. Если бы госуд. переворот дал нам власть, то мы ее не выпустили бы до тех пор, пока не поставили бы прочно на ноги народ. Значит ли это, что мы якобинцы? Но что касается дальнейшего, то мы это народное опекание в вечную систему не вводим, и как только народ прочно утвердится, мы сочтем долгом созвать Земский собор и пр.“ (стр. 150).

Наконец, Плеханов, обрушившийся в „Наших разногласиях“ со всей силой своего полемического таланта на ткачевский „захват власти“ интеллигентным меньшинством, признал необходимость такого захвата „нашей рабочей социалистической партией будущего“. Известны „якобинские“ симпатии Плеханова. Известно, что, даже став меньшевиком, он не мог примириться с „аксельродовским“ взглядом на партию, что до конца своей жизни он, совсем по-якобински, по-ткачевски, утверждал, что „благо революции—высший закон“ и что во имя этого блага можно нарушить формальные принципы „демократии“. Новое доказательство этого „якобинства“ Плеханова и его отличия в этом отношении от Аксельрода мы находим в опубликованном недавно первом томе „Переписки Плеханова и Аксельрода“. В письме от мая 1888 г., уговаривая П. Б. Аксельрода не выходить из редакции изданий группы „Освобождение Труда“, Плеханов в числе прочих доводов прибавляет и следующий: „А мое якобинство? Нужно же, чтобы вы меня сдерживали, чтобы вы имели даже право сдерживать мои централистические и якобинские тенденции. Ведь, право, у меня есть на этот счет грешок“ (стр. 44. Курсив мой. Б. Г.).

Вызывающий столько споров вопрос о взаимоотношениях марксизма и бланкизма получил недавно совершенно неожиданное освещение. Давно известно, с каким сочувствием относились Маркс и Энгельс к „Народной Воле“, как долго они ждали от нее победоносной революции в России. Пишущий эти строки в своей биографии Бланки высказал предположение, что симпатии Маркса к „Народной Воле“ были его последней данью уважения к бланкизму, который на русской почве должен был сделать то, что ему не удавалось на родине. И вот в упомянутом выше 3-м сборнике „Группа Освобождение Труда“ опубликовано письмо Энгельса к Вере Засулич от 23 апреля 1885 г., целиком подтверждающее мое предположение. Вот важнейшее ме-

сто этого письма. „То, что я знаю или думаю, что знаю о положении России, склоняет меня к мнению, что там приближаются к 1789 г.: революция должна разразиться через определенное время; она может разразиться каждый день. В этих условиях страна подобна заряженной mine, где остается только приложить фитиль. Особенно с 13 (1) марта. Это один из исключительных случаев, когда возможно для горсти людей сделать революцию; другими словами, одним небольшим ударом заставить рухнуть целую систему, находящуюся в очень неустойчивом равновесии (пользуюсь метафорой Плеханова), и освободить одним актом, самым по себе незначительным, такие разрушительные силы, которые потом станут неукротимыми. И если когда-нибудь бланкистская фантазия перевернуть целое общество действием одного маленького заговора имела некоторое основание, так именно теперь в Петербурге, раз огонь будет приложен к пороху, раз освобожденные силы и национальная энергия из потенциальных превратятся в кинетические (еще любимый и очень удачный образ Плеханова)¹⁾, эти люди, взорвавшие мину, будут унесены взрывом, который станет в тысячу раз сильнее их и найдет себе выход, где он сможет, и как потребуют экономические силы и условия“ (стр. 26).

Это поистине сенсационное письмо Энгельса замечательно во многих отношениях, при чем для нас наименьшее значение имеет то, на что обращает внимание Л. Г. Дейч, а именно, на столь плохую осведомленность Энгельса о положении России в середине 80-х г.г. Здесь важно не это, а то, что Энгельс признавал, при наличии революционной ситуации, за небольшой террористической организацией возможность начать революцию в России. Это является в значительной мере реабилитацией Ткачева, а вместе с тем и самого Бланки, так как обстановка второй империи в августе 1870 г. была не менее революционной, чем обстановка России десять лет спустя. Несомненно, что не в 1885 г., а в 1880 г., именно до, а не после 1 марта, при благоприятных условиях народовольцы могли добиться только конституции, а не социалистического переворота, как Бланки в 1870 г. в наилучшем случае мог бы лишь ускорить наступление буржуазной республики. Но эти ограничения все же не уменьшают всего огромного значения письма Энгельса. Характерно при этом, что особенно благоприятной почвой для бланкизма оказались из всех стран Европы только Франция, с ее традицией

¹⁾ Читатель помнит, что первым употребил этот образ именно Ткачев.

сравнительно легких парижских революций, и Россия, с ее дворцовыми переворотами (на это последнее обстоятельство указывает сам Ткачев).

То, что не удалось героической кучке разночинной „якобинской“ интеллигенции, в грандиозных размерах удалось новым, пролетарским якобинцам, авангарду рабочего класса, опирающемуся на широкие рабочие и крестьянские массы, ибо, по словам Ленина, „якобинец, неразрывно связанный с организацией пролетариата, сознавшего свои классовые интересы, это и есть революционный соц.-демократ“, или, по-нынешнему, коммунист.

Ст. Кривцов.

На заре французского марксизма.

(Поль Лафарг).

I.

Имя Лафарга широко известно в нашей марксистской литературе, как одного из немногих личных учеников Маркса и как единственного ортодоксального марксиста во Франции, до конца дней своих высоко державшего знамя последовательного пролетарского социализма. Широко распространены еще с 1905 г. также и его памфлеты, в которых он с таким сарказмом бичует вскрываемые им органические пороки буржуазного общества.

Вот почему нельзя не обратить внимание на предпринятое Институтом Маркса-Энгельса под редакцией т. Д. Б. Рязанова издание сочинений Лафарга на русском языке, первый том которого вышел на днях (Поль Лафарг. Сочинения. Том 1. Гиз. М.—Л. 25 г. VII+384 стр.).

1 том дает богатый материал по истории социализма и социалистического движения во Франции, при чем большое количество работ Лафарга появляется впервые на русском языке. Обширная статья, которой открывается том „Классовая борьба во Франции“, была издана в 1906 г. „Общественной Пользой“, но, насколько мы знаем, широкого распространения не получила. Вторая большая статья „Социализм во Франции (от 1876 до 1896 г.г.)“ была автором написана специально для „Нового Слова“, но вследствие закрытия этого журнала света не увидела. Кроме того, читатель найдет богатый материал в ряде статей,

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
<i>А. М. Деборин.</i> — Фрейдизм и социология	3
<i>И. Лутол.</i> — Диалектика диалектики	39
<i>О. Танзилевич.</i> — Эпикуреизм в Риме и эпикуреец Лукреций	48
<i>А. Говоров.</i> — Лассаль как историк греческой философии	69
—	
<i>В. Валяян.</i> — К вопросу об отношении революционного марксизма к т. н. „легальному“ марксизму	79
<i>Горев.</i> — К вопросу о бланкизме вообще и русском бланкизме в частности	101
<i>Ст. Крицков.</i> — На заре французского марксизма	107
—	
<i>Л. Эвентов.</i> — Сэр Вильям Петти о деньгах и денежном обращении	131
<i>Эр Вильям Петти.</i> — Кое что относительно денег	149
—	
Из семейной переписки Карла Маркса	157
—	
<i>Г. В. Плеханов.</i> — Письма к В. Либкнехту	208
<i>И. Л. Лавров.</i> — Письма к В. Либкнехту	218
—	
<i>В. Полянский.</i> — Салтыков в своих письмах	231
<i>А. Тимирязев.</i> — Новая неудачная попытка примирить теорию относительности с диалектическим материализмом	243

ПОЛЕМИКА.

<i>В. Румий.</i> — Так как же писать марксистскую историю искусств?	254
<i>Ц. Фридланд.</i> — Карл Маркс плюс Г. Риккерт	275
<i>Материалист.</i> — Пощадите!	282